

Мейерхольдом. Меня интересовало все, что было связано с этой легендарной личностью. Читая о нем книги, я все время наткался на "Мандат" и на "Самоубийцу". Мне стало интересно, что такое "Мандат", и я прочел пьесу. Затем дошла очередь и до "Самоубийцы". Но выяснилось, что достать ее довольно сложно. Впервые ко мне попал экземпляр "Самоубийцы" в восемьдесят втором — восемьдесят третьем году, изданный не у нас, а в Америке...

Корр.: Мы читали с вами книгу примерно в одно время и, судя по всему, одно и то же издание... И все-таки, как вы "докатились" до того, чтобы снять пьесу в кино?

В. П.: После того, как картину "Ночь проходит" закрыли,

Корр.: У вас снимаются прекрасные актеры: Сергей Шакуров, Леонид Куравлев, Вячеслав Невинный... Как вам работаете вместе в таком сложном и редком жанре?

В. П.: Да, жанр гротеска очень сложен: все время балансируешь на острие ножа. С одной стороны — боишься скатиться в реалистическую историю, которая уже перестает напоминать комедийный жанр. А с другой стороны — это не просто комедия, это фарс. И если актер чуть-чуть переиграет, то у зрителя возникнет отторжение и смотреть на экран уже не захочется. Надо учитывать, что наши молодые актеры не имели возможности воспитаться на этом жанре в связи с тем, что и в театре, и в кино к нему

В. Пендраковский.

красную игру каждого в отдельности, необходимо много усилий, чтобы современные актеры — актеры разных школ — вписались в единый рисунок — драматургию Николая Эрдмана.

А. ДРОБАШЕНКО.
Фото С. Нечаева.

● СЪЕМКИ ЗАКОНЧЕНЫ

ВАЛЕРИЙ ПЕНДРАКОВСКИЙ: «МЫ — ДЕТИ «СКВЕРНОГО АНЕКДОТА»

Корр.: Помимо судьбы фильма, съемки которого идут к успешному завершению, разговор с режиссером ушел в естественном своем течении намного дальше расставленных до этого регламентных рамок. Мы говорили об искусстве, об актерской игре, о самом Валерии Пендраковском, его работах, удачах и неудачах. Думаю, не ошибусь, если скажу, что мало кто из "мосфильмовцев" знаком с режиссером. Поэтому позвольте мне вам его заочно представить...

В. П.: Поскольку во ВГИКе у меня были мастерами-руководителями Алов и Наумов, режиссеры не реалистического направления, а скорее — метафорично-гротескового, то мы — их ученики — не без гордости считали себя детьми "Скверного анекдота", и почти безоговорочно отдавали предпочтение этому жанру. Еще учась в институте, я начал искать в этом ключе темы для курсовых, учебных и дипломных работ. Меня все время тянуло на острый жанр — гротеск и сатиру: пытался у Чехова найти что-то подобное... Есть у него рассказ "Мелюзга". В нем чиновник в ночь перед Рождеством садится писать своим начальникам поздравительные открытки, а заканчивает тем, что строчит на них клеюзы и доносы...

Корр.: Когда вы закончили институт, у вас расширилось поле деятельности для эксперимента? Киностудия "Мосфильм" располагает большими возможностями...

В. П.: На "Мосфильме" мою первую картину закрыли. Она называлась "Ночь проходит". Посчитали ее коммерчески бесперспективной. Сценарий несостоявшейся народной комедии был написан совместно с писателем Борисом Екимовым. Главный ее герой — уполномоченный Чекалкин — хозяин и маленький Божок одного из сотен тысяч раскиданных по России районов, успевает перед собственной смертью выдохнуть слово "труба". Незаконный сын решает, что отец имел в виду место, где он спрятал деньги. Свора наследников начинает искать клад в трубе, разваливает целиком весь дом, но ничего не находит... На самом деле Чекалкин имел в виду, что дело, которому он посвятил всю жизнь, — "труба". Сценарий мертвым грузом лежит до сих пор. Может быть, пройдет время и к нему еще вернуться...

Корр.: Николай Робертович Эрдман, рожденный в России, до недавнего времени его соотечественникам был практически неизвестен. Как вы для себя открыли этого писателя?

В. П.: Имя Эрдмана заинтересовало меня еще со времен учебы в ВГИКе и увлечения

ли, я вспомнил свою давнюю мечту, которую долгое время отгонял. Это был "Самоубийца".

Итак, я сел за подготовку сценария. Те, кто читал пьесу, наверняка обратят внимание, что текст изобилует нюансами, характерными только для того периода времени, и нынешнему поколению уже непонятными. От этого в сценарии пришлось отказаться. Основной принцип работы — оставить в пьесе только то, что имеет отношение к нашему сегодняшнему дню и к двадцатым годам. Пьеса изобиловала лозунгами — тоже своеобразным абсурдом того времени. Я постарался избавиться от фельетонности и ситуативности происходящего. Насколько это удалось — судить тем, кто увидит картину. Будет изменен и финал картины. Зрители его увидят не таким, как в пьесе Эрдмана. Не хочу раскрывать секрет, пусть это останется нашей профессиональной "тайной". Все мое время...

Несмотря на то, что от многого в пьесе пришлось отказаться, жизнь маленького человека тех, во многом уже архаичных и непонятных двадцатых годов легко проецируется на наше сегодняшнее время.

